

**МИНОБРНАУКИ РОССИИ
федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный
юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
(Университет имени О.Е. Кутафина
(МГЮА))**

Садовая-Кудринская ул., д. 9, Москва, 125993
Тел.: (499) 244-88-71 Факс: (499) 254-98-69
<http://www.msal.ru> e-mail: msal@msal.ru

В Диссертационный совет Д 209.001.03
при ФГБОУ ВО «Дипломатическая
академия Министерства иностранных дел
Российской Федерации»
119021 Москва, ул. Остоженка, д. 53/2,
стр.1

О Т З Ы В

**официального оппонента
на диссертацию Шурутиной Анастасии Дмитриевны
на тему: «Реализация Конвенции о защите прав человека и основных
свобод в правовой системе Российской Федерации в контексте права лица
на судебную защиту»,**

представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по
специальности 12.00.10 – Международное право. Европейское право
(Москва, 2017, комп. набор, 286 стр. с библ.)

Представленная на соискание ученой степени кандидата юридических наук научно-квалификационная работа содержит успешное, научно обоснованное, самостоятельное и тщательное решение задачи, имеющей существенное значение для развития, уточнения, совершенствования оснований, форм и конкретных механизмов взаимодействия международного и внутригосударственного права как в контексте гражданско-правового аспекта права на справедливое судебное разбирательство, так и в целом между этими двумя правовыми системами.

Эта проблема давно уже переросла область абстрактно-теоретических дискуссий и превратилась в актуальную и практически значимую задачу современной науки, имеющую в том числе важные прикладные аспекты и от решения которой зависят дальнейшие пути развития как международного, так и внутригосударственного права, механизмы и эффективность их взаимодействия.

Особую актуальность работе придает то, что она сделана и выставлена на защиту тогда, когда и в доктрине, и в практике не утихают жаркие споры о соотношении российской Конституции и Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (ЕКПЧ), о «правовых силах» Конституционного Суда Российской Федерации (КС РФ) и Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ), о месте постановлений и решений ЕСПЧ в правовой системе Российской Федерации.

В связи с этим проведение комплексного теоретического исследования по вопросам практической реализации ЕКПЧ в правовой системе Российской Федерации, которое бы не только обобщало существующие в науке взгляды, представления и мнения на предмет места и роли норм международного права в правовой системе России, но и систематизировало бы сложившуюся международную и внутригосударственную судебную практику, формулировало бы собственные оригинальные подходы к рассматриваемой проблеме, содержало бы новые интересные предложения и выводы, представляется важной и актуальной задачей.

Практическую применимость исследования определяют выводы и предложения автора, касающиеся роли, форм и конкретных механизмов участия судов, в первую очередь – судов общей юрисдикции, в реализации на практике конвенционных стандартов права на справедливое судебное разбирательство в его гражданско-правовом аспекте, приведения российской правоприменительной практики в соответствии с этими стандартами, практического выполнения Россией своих международно-правовых обязательств в рассматриваемой сфере защиты и уважения прав человека и основных свобод.

Структура и содержание диссертации определены целями и задачами исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка правовых актов и библиографии на русском и иностранных языках.

Во введении раскрывается актуальность, научная новизна и практическая применимость исследования и содержащихся в нем выводов, теоретическая и нормативная база исследования, методология работы, определяются цели, задачи и предмет научной работы, формулируются основные положения, выносимые автором на защиту.

Разбиение основной части работы на три главы оправданно и логично: глава первая посвящена фундаментальным теоретическим вопросам взаимодействия международного и национального права, во второй анализируется содержание правовых позиций ЕСПЧ в контексте гражданско-правового аспекта права на справедливое судебное разбирательства, а в третьей главе автор освещает формы и практику применения указанных стандартов судами Российской Федерации. Тем самым обеспечивается устойчивый баланс между теоретической и практической частями исследования, особенно важный в силу того, что исследование проведено практическим работником судебной системы.

Научность исследования на тему диссертации невозможно достичь без анализа и обобщения доктринальных точек зрения и существующих в праве и правоприменительной практике подходов к тому, что понимается под правовой системой Российской Федерации, каковы роль, место и значение в ней таких ее составных частей, как международные договоры Российской Федерации и основанные на них правовые позиции межгосударственных органов по защите прав человека. В этом смысле глава первая диссертации играет роль серьезной теоретической базы, фундамента исследования, на основе которого делаются выводы и предложения автора, имеющие научную значимость и практическую применимость.

В своей работе автор исходит из того, что «правовой сутью взаимодействия международного и национального права должно являться обеспечение реализации норм одной системы права с помощью норм другой» (стр. 25). Принимая широкий подход к понятию правовой системы

(стр. 33), автор придерживается высказанной в доктрине (Б.Л.Зимненко) точки зрения, что в правовую систему включаются не буквально нормы международного права, а содержащиеся в них «международно-правовые положения и основанные на них комплексные (сложные) нормы», имеющие двойную правовую природу (стр. 34).

Касаясь следующего фундаментального вопроса, имеющего уже не только теоретическое, но и крайне важное, подчас острейшее, как показывает практика конституционного судопроизводства последних лет, практическое значение – вопроса о соотношении международного договора РФ, являющегося согласно Конституции РФ часть российской правовой системы, и самой Конституции, автор формулирует свое первое положение, выносимое на защиту: «вступившие в силу международные договоры Российской Федерации подлежат применению при условии признания высшей юридической силы Конституции Российской Федерации» (стр. 12). Данный тезис, являясь практически дословным цитированием нескольких резонансных постановлений Конституционного Суда РФ (КС РФ) последних лет (напр., п. 2.2. Постановления от 14 июля 2015 г. №21-П), требует от автора некоторых комментариев. Во-первых, в названном и развивающих его постановлениях КС РФ речь идет не о коллизии между международным договором РФ и Конституцией РФ, а о коллизии между толкованием договора, данным межгосударственным органом (ЕСПЧ), и толкованием Конституции РФ, данным КС РФ. Во-вторых, сам по себе данный тезис, в отсутствие иных условий, выглядит как ориентирующий правоприменителя проверять некие «условия» применения договора, тогда как логика КС обратна: ЕСПЧ и основанные на ней правовые позиции ЕСПЧ являются составной частью правовой системы РФ, подлежат безусловному применению как в части реализации индивидуальных мер (например, как основание для пересмотра конкретного дела), так и в части мер общего характера (например, в виде учета при разрешении аналогичных дел); и

только если сам КС РФ по запросу Министерства юстиции пришел к выводу о невозможности исполнения постановления ЕСПЧ, оно не подлежит реализации в правовой системе РФ. Наконец, в рамках исследования по специальности 12.00.10 – Международное право. Европейское право, автор мог бы не просто некритично положить данный конституционно-правовой постулат в фундамент своей работы, но и попытаться его проанализировать с собственно международно-правовой точки зрения, с точки зрения международно-правовых последствий неисполнения государством обязывающих решений международных судебных органов. Уязвимость для критики позиции Конституционного Суда РФ, если она существует, заключается не в отстаивании верховенства в рамках российской правовой системы российской Конституции, а в том, что Конституционный Суд РФ, как следует из той части постановления №21-П, где он пытается опереться на международно-правовую аргументацию, видимо, считает, что тезис о верховенстве Конституции является легальной индульгенцией, юридическим оправданием неисполнения решения международного суда с международно-правовой точки зрения, действуя по логике: «не можем исполнить, следовательно, можем не исполнять».

В параграфе 3 главы 1 работы содержится обстоятельный анализ понятия, видов, места и роли в правовой системе РФ правовых позиций ЕСПЧ и иных договорных межгосударственных органов по правам человека. В целом отмечая высокий уровень полезности, как теоретической, так и практической, этой части работы, особенно в плане классификации правовых позиций ЕСПЧ, представляется необходимым сделать несколько комментариев.

Автор придерживается высказанной в доктрине (Б.Л.Зимненко) точки зрения, согласно которой обязательность для государств правовых позиций ЕСПЧ вытекает из того, что они являются одной из форм применения ЕСПЧ, что, в свою очередь, составляет «последующую практику применения

договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования» в смысле п. 3b ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. (стр. 42). Здесь дополнительных пояснений требует то, когда устанавливается соглашение участников договора (т.е. государств) – в момент, когда они соглашаются с юрисдикцией Суда по всем вопросам толкования и применения Конвенции (ст. 32) и обязуются выполнять его решения (ст. 46), либо, если исходить из того, что практика применения договора Судом и практика применения договора государствами – это не всегда и не совсем одно и то же, необходимо оценивать реакцию государств на решения Суда?

Государства, согласно ст. 1 ЕКПЧ, обязаны уважать и обеспечивать все права, предусмотренные этой Конвенцией. ЕСПЧ наделен компетенцией контрольного механизма, т.е. правом проверять, насколько государства успешно справляются с этой обязанностью. В виду крайне высокой степени абстрактности и обобщенности положений Конвенции, разрешая конкретные дела, Суд просто вынужден толковать, то есть уяснять, конкретизировать, уточнять смысл и содержание положений Конвенции. Признавая юрисдикцию Суда по всем вопросам толкования и применения Конвенции, государства обязаны применять ее так, как ее понимает (толкует, конкретизирует, разъясняет) Европейский Суд. В этом смысле правовые позиции ЕСПЧ (как их называет автор), или его case-law (судебная практика - термин, используемый самим Судом) являются обязательным вспомогательным средством для определения смысла и содержания положений Конвенции и в этом качестве, наряду с ЕКПЧ, становятся частью правовой системы России.

Автор определяет правовую позицию ЕСПЧ по аналогии с определением, которое дал Н.В.Витрук правовой позиции Конституционного Суда РФ (стр. 43). Идея интересная, принимая во внимание большое сходство между, как пишет В.Д.Зорькин, «правооткрывательной» функцией

КС и ЕСПЧ, и во многом здравая (особенно с практической точки зрения: российским судьям понятно правовое значение практики КС РФ и проведение аналогий с ней облегчает признание судами судебной практики ЕСПЧ). Тем не менее, нужно не забывать и про те немалые различия, которые имеются в правовой природе и функциях этих органов. Механическое перенесение понятия правовых позиций КС РФ на правовые позиции ЕСПЧ неуместно.

Заслуживает пристального внимания та часть работы, где автор приводит классификацию правовых позиций межгосударственных органов по правам человека: приводя конкретные примеры таких позиций из практики, автор делит их на материальные, процедурные и материально-процессуальные (стр. 45 – 52); на договорно-интерпретационные и индивидуализированные правовые позиции (стр. 53 – 54); на правовые позиции, излагаемые в индивидуальных решениях, и позиции, излагаемые в отдельных обобщениях (стр. 54 – 57). Относительно последнего необходимо отметить, что такая классификация справедлива для универсальных договорных органов по правам человека. Относительно же ссылок на такие обобщения в ежемесячных отчетах, годовых докладах и, тем более, в тематических обзорах (Factsheets) ЕСПЧ следует возразить: они являются не формой выражения обобщенных правовых позиций, они являются формой систематизации правовых позиций по отдельным делам, выделением «ключевых» дел. Их правовое значение в целом не больше, чем у выводов и предложений, содержащихся в настоящей диссертации. Российские суды, конечно, могут, как предлагает автор, обращаться к таким документам, но не как к одному из «средств толкования» (стр. 57), а как к одному из удобных инструментов поиска и ознакомления с судебной практикой ЕСПЧ.

Глава вторая работа посвящена детальному анализу правовых позиций ЕСПЧ применительно к гражданско-правовым аспектам права на справедливое судебное разбирательство. На основе огромного массива

судебной практики автор анализирует правовые позиции ЕСПЧ по вопросу сферы применения ст. 6 Конвенции («спор о гражданских правах и обязанностях»); доступа к суду, пересмотра вступивших в силу судебных актов; исполнения судебного акта; критериев справедливого судебного разбирательства. Относительно крайне острой для российского гражданского процесса проблемы пересмотра вступивших в силу судебных актов автор на стр. 127-128 со ссылкой на постановление ЕСПЧ по делу «Трапезников и другие против России» от 5 апреля 2016 г. делает следующий вывод относительно надзорного производства: «Если деятельность высшей инстанции приводит к восстановлению и/или эффективной защите прав и свобод, то данное судопроизводство следует рассматривать как эффективную гарантию права на справедливое судебное разбирательство. В случае же если в ходе такого судебного процесса права и свободы человека необоснованно ограничиваются, то наличествует негативное влияние подобного пересмотра судебного решения». Таким образом, автор ставит «легитимность» надзорного производства в зависимость от исхода процесса, который, к тому же, нельзя определить, если в споре участвуют два частных лица; да и государственный орган как сторона в споре отстаивает, как правило, общественные интересы. Но ЕСПЧ применительно к обоснованности отмены вступивших в силу судебных актов использует совершенно иные критерии, которые автор подробно анализирует выше в своей работе, а не то, «на руку» эта отмена индивиду или нет. Кроме того, выводы по делу Трапезникова сделаны в обстоятельствах конкретного дела, в тот же период вынесено несколько постановлений с обратными выводами относительно надзорной инстанции (Кузьмин и другие от 14 июня 2016 г., Парчиев и другие против от 12 июля 2016 г., Коровина и другие от 12 июля 2016 г.), а главное - выводы ЕСПЧ по делу Трапезникова сделаны относительно модели гражданского процесса, существовавшей в России в 2008-2012 гг. Та надзорная инстанция, которая рассматривалась в деле Трапезникова

(президиум суда субъекта Федерации) сейчас является кассационной инстанцией, которая, наряду с «новой» кассационной инстанцией на уровне судебной коллегии Верховного Суда уже признана ЕСПЧ в деле «Абрамян и Якубовские против России» 2015 г. эффективным средством правовой защиты, тем самым вопрос не является более неопределенным.

Большую практическую ценность представляет глава 3 работы, посвященная анализу практики судов общей юрисдикции по применению ст. 6 Конвенции. Проанализирован и систематизирован огромный массив практики судов различных уровней, сформулированы выводы и предложения по совершенствованию практики. Автор вводит понятие прямой и опосредованной имплементации судами Конвенции (стр. 205-206).

Оппонент приходит к общему выводу, что обоснование и защита изложенной в диссертации концепции осуществляется на хорошем научно-теоретическом уровне, творчески используется обширный научный и нормативный материал, выдвигаются и обосновываются собственные оригинальные выводы и подходы. Особенно следует отметить грамотную структуру работы (теоретическая часть взаимодействия международного и внутригосударственного права, понятие, место и классификация правовых позиций ЕСПЧ в российской правовой системе – анализ практики ЕСПЧ, формулирование правовых позиций применительно к отдельным аспектам права на справедливое судебное разбирательство – реализация этих позиций судами РФ), баланс между теоретическими и практическими аспектами работы, ценные собственные выводы и предложения (стр. 106, 111, 126, 205), наконец, анализ, обобщение и систематизация большого массива судебной практики, как международной, так и национальной (в списке несколько сотен дел).

Вместе с тем хотелось бы сформулировать, помимо изложенных выше применительно к отдельным частям работы, несколько общих предложений и замечаний, обратив внимание автора на следующие обстоятельства.

Большое влияние на автора оказали идеи и представления, сформулированные д.ю.н., проф. Б.Л.Зимненко, в том числе, в статье «О месте и значении правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека в правовой системе Российской Федерации» (Sumus ubi sumus. Международное право XXI века: мир и безопасность, сотрудничество, права человека: LIBER AMICORUM в честь профессора Людмилы Петровны Ануфриевой / отв. ред. Н.А. Соколова, - Москва, Проспект, 2016. – 416 с. С. 180-200). Однако ни в сносках, ни в библиографии оппонент указанную работу не нашел.

Вряд ли стоит считать до конца продуманным предложение автора, выносимое на защиту, об исключении из законодательства Российской Федерации нормы, предусматривающие конкретные сроки рассмотрения судами гражданских дел (положение 7, стр. 13).

В названии диссертации используется термин «право лица на судебную защиту». В тексте работы анализируется практика ЕСПЧ и российских судов по вопросам толкования и применения ст. 6 Конвенции, причем только в ее так называемом «гражданско-правовом» аспекте («спор о гражданских правах и обязанностях»). Кроме того, большое значение в практике ЕСПЧ имеет ст. 13 - Право на эффективное средство правовой защиты. Возникает вопрос, на который в тексте диссертации оппонент не нашел четкого ответа: как соотносятся эти понятия? Почему автор применительно к статье 6 (право на справедливое судебное разбирательство) использует термин «право на судебную защиту»? Представляется, что это не синонимы. Какое место в этом вопросе отводится ст. 13? Прояснение этих вопросов будет весьма востребованным в ходе защиты.

Однако высказанные замечания, комментарии и указания на недостатки не умаляют достоинств диссертации, более того, многое из отмеченного может быть учтено или сделано предметом в дальнейших научных исследованиях.

В целом же можно заключить, что диссертация Шурутиной Анастасии Дмитриевны является самостоятельным внутренне единым научным исследованием сложной и актуальной теоретической проблемы международного права, которое выполнено на хорошем научном уровне, обладает новизной и практической применимостью, достоверность результатов исследования подтверждается использованием общих и частнонаучных методов. Диссертация соответствует критериям, установленным Положением о порядке присуждения ученых степеней, утвержденным Постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 № 842 (ред. от 30.07.2014), а диссертант достоин присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.10 – Международное право. Европейское право.

**Кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры международного права
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Московский государственный
юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
125993 г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9
e-mail: jskozheurov@msal.ru, тел. (499)-244-88-88 (доб. 675)**

Я.С.Кожеуров

Специальность оппонента
12.00.10 – Международное право. Европейское право

